

Глава 23. Хочу на тебе жениться

—

— С чего бы мне хотеть твоего ухода! — Цинь Сяомань тут же возразил на слова Ду Хэна. — Это я привел тебя домой, а не кто-то другой мне тебя подсунул.

— Из-за этого дела я даже занемог и несколько дней проплакал от горя.

Цинь Сяомань говорил искренне, и Ду Хэн еще крепче сжал его ладонь.

— Если ты знал, что приехал мой дядя, почему не следил за мной получше? Зачем специально отправил меня в уезд? Разве ты не думал, что я уеду с ним в Хуэйчжоу?

Услышав это, Цинь Сяомань опустил глаза:

— Твой дядя прав. Уезд Луся - это отсталое захолустье, а наше село и вовсе глушь. Если бы ты поехал с ним в Хуэйчжоу, у тебя было бы лучшее будущее. К тому же ты давно начал копить деньги, разве не для того, чтобы уйти? Я хотел тебя оставить, но не мог быть с тобой таким же свирепым и деспотичным, как с другими. Ты хороший человек, всё это время заботился обо мне, и я не хочу обременять тебя на всю жизнь.

Ду Хэн взял обветренную и холодную руку Цинь Сяоманя в свои:

— Я копил деньги только для того, чтобы купить тебе подарок. У меня никогда не было мысли бросить тебя и уйти. Ты можешь ради моего будущего не заботиться о себе, но и я могу ради тебя отказаться от этого будущего.

Цинь Сяомань замер. Он смотрел на ладонь с отчетливыми суставами, которая плотно обхватывала его ледяные пальцы, и не мог поверить, что обычно сдержанный и вежливый Ду Хэн способен на такие слова. Тот никогда не позволял себе лишнего, как бы сам Цинь Сяомань себя ни вел.

— Я не уйду. В будущем... — Ду Хэн протянул руку и приподнял лицо Цинь Сяоманя за подбородок, заставляя его посмотреть себе в глаза. — В будущем я стану твоим мужем и останусь рядом с тобой на всю жизнь. Я хотел сказать тебе это еще тогда, когда ты болел.

Цинь Сяомань увидел серьезность в этих глазах «персикового цвета», его сердце бешено заколотилось.словно обжегшись, он поспешно отвел взгляд. Но в то же время он всё еще беспокоился о принятом решении:

— Ты правда не уйдешь? Хуэйчжоу - богатое и процветающее место, у твоего дяди огромное семейное дело. Если ты поедешь туда, то даже без усилий получишь жизнь, о которой многие мечтают годами.

Ду Хэн покачал головой:

— Мне уже исполнилось двадцать, я всё хорошо обдумал, это не спонтанное решение. Если сравнивать всё это с тобой, я, конечно, выберу тебя. К тому же дядя уже покинул уезд Луся, и теперь, даже если бы я пожалел, возможности вернуться нет.

Цинь Сяомань не мог описать свое нынешнее состояние. Хотя радость от обретения того, что считал потерянным, затопила его сердце, он не улыбнулся - напротив, ему еще сильнее

захотелось плакать. Он прижался к груди Ду Хэна. Слова о том, что богатая и праздная жизнь не так важна, как он сам, тронули его до глубины души. Окружающие всегда его недолюбливали, и он никогда не слышал таких сокровенных и добрых слов.

Припав к Ду Хэну, он снова разрыдался. Но поплавав немного, решил, что плакать не стоит – сейчас он должен дать Ду Хэну обещание. Ведь тот отказался от хорошей жизни ради него.

Цинь Сяомань схватил Ду Хэна за руку и, не обращая внимания на слезы, сглотнул и произнес:

— Три дня назад, когда я увидел твоего дядю в деревне, я хотел умолять тебя остаться. Но всё взвесив, я решил, что тебе будет выгоднее уехать. Поэтому я промолчал. Но раз уж ты остался, я всё же скажу.

Ду Хэн кивнул и вытер слезы с его щек:

— Я слушаю.

— Раз ты остался, я обязательно позабочусь о тебе. Захочешь учиться – я оплачу твоё обучение. Захочешь заняться делом – я, как и прежде, буду тебе помогать.

На сердце у Ду Хэна потеплело:

— Хм. Хорошо.

Видя, что Ду Хэн согласен, Цинь Сяомань шмыгнул носом, бросился вперед и крепко обнял его, снова уткнувшись в грудь:

— Ду Хэн, ты такой хороший. Я обещаю, что буду к тебе очень добр, не дам тебе страдать, ты заживешь на славу...

Глядя на плачущего и одновременно раздающего обещания человека, Ду Хэн обнял его за плечи, а другую ладонь положил на затылок Цинь Сяоманя, давая ему чувство защищенности и покоя. Он прислонился подбородком к его макушке и невольно вздохнул – по идее, такие слова должен был говорить он сам, а вышло наоборот. Впрочем, если они вместе, это не имело значения.

— Я знаю. Я всё знаю. Я понимаю твои чувства и хочу, чтобы ты понимал мои.

Он остался не из благодарности за спасение жизни и не от безысходности. Его сердце действительно было полно этим человеком. Возможно, в Хуэйчжоу жизнь была бы легче, но, покинув уезд Луся, он никогда бы не нашел второго такого замечательного Цинь Сяоманя.

— На горе холодно, пойдём домой.

Ду Хэн чувствовал, как Цинь Сяомань дрожит. Когда тот упал, одежда промокла насквозь – спина под рукой была влажной.

Цинь Сяомань, всхлипывая, кивнул и вытер лицо. Он редко плакал при других, считая это постыдным и проявлением слабости. Но он верил, что Ду Хэн так не подумает.

— Пошли.

Цинь Сяомань потянул Ду Хэна за собой, но, сделав шаг, почувствовал острую боль в колене и невольно подогнул ногу. Только сейчас он заметил, что, упав на камни, порвал штаны, а колено

сильно содрано.

— Только бы кости были целы. Давай зайдём к лекарю Цюю.

Ду Хэн присел и осмотрел колено. Ссадина кровоточила, выглядело это болезненно. Цинь Сяомань отмахнулся:

— Кости в порядке, просто щиплет кожу.

Не успел он договорить, как Ду Хэн повернулся к нему спиной:

— Я понесу тебя.

— Да как ты меня поднимешь! У тебя самого нога только недавно зажила.

Ду Хэн обернулся:

— Да сколько в тебе весу, гер он и есть гер. Ты же смог меня тащить, неужели я тебя не смогу? Давай, залезай. Или вонтонов перехотелось?

Цинь Сяомань посмотрел на широкую спину Ду Хэна с некоторым сомнением, но в душе был глубоко тронут. В детстве он был сорванцом и предпочитал бегать сам, а не висеть на спине отца. Его отец был ученым и не слишком жаловал его шумный нрав, так что случаев, когда его носили на руках, можно было пересчитать по пальцам. А когда он сам захотел, чтобы его кто-то понес – нести стало некому.

Немного подумав, Цинь Сяомань робко припал к спине Ду Хэна. Он обхватил его руками за плечи, уткнувшись носом в шею:

— Ну как, тяжело?

Ду Хэн подхватил Цинь Сяоманя под бедра:

— Ух, и правда тяжеловат.

— Врешь! Ты идешь легко, если бы было тяжело, не шагал бы так быстро!

Ду Хэн рассмеялся:

— Ты и сам всё понимаешь, зачем тогда спрашиваешь?

Цинь Сяомань расцвел от радости. Прижавшись к спине Ду Хэна, он залюбовался его белой шеей, на которой от ходьбы проступил легкий здоровый румянец. Он приподнялся и прикоснулся к ней губами.

— Ты что делаешь?

Ду Хэн почувствовал внезапное тепло на затылке, а затем легкую боль – Цинь Сяомань его прикусил.

— Ты что, щенок?

Цинь Сяомань промолчал, лишь счастливо приник к спине Ду Хэна.

Когда они спустились с горы, был уже полдень. Погода в начале года стояла нежаркая, никто не спал днем. После обеда сельчане высыпали на улицу, так что снаружи было оживленнее, чем дома.

Услышав голоса жителей, Цинь Сяомань забеспокоился: глаза опухли от слез, его точно поднимут на смех. Поэтому он спрятал лицо, уткнувшись Ду Хэну между лопаток.

— Что случилось?

Второй дядя Цинь Сюн со своей семьей как раз возвращался из уезда на воловьей повозке. Издалека он увидел, как Ду Хэн несет Цинь Сяоманя.

— Второй дядя, — поздоровался Ду Хэн.

— Что с Сяоманем? Даже не здороваются.

— Он упал на горе. Наверное, уснул.

Цинь Сюн нахмурился:

— Сильно расшибся?

— Кожу содрал, ничего серьезного.

Цинь Сюн спрыгнул с повозки и заворчал:

— Раз ничего серьезного, зачем ты его тащишь? Этот гер выше обычных, задавит тебя совсем!

Он подошел поближе, чтобы осмотреть рану, но Цинь Сяомань не выдержал:

— Второй дядя! Как ты можешь так говорить!

Увидев поднятое лицо племянника, Цинь Сюн нахмурился еще сильнее:

— Ах ты, сопляк! Видишь дядю и притворяешься спящим, кто тебя такому учил!

Цинь Сяомань надулся, положил подбородок на плечо Ду Хэна и промолчал.

— Что у тебя с глазами? Пару дней назад ты убежал из дома двоюродного дяди и больше не показывался. В чем дело?

Цинь Сяомань не знал, что ответить. Ду Хэн вовремя пришел на помощь:

— В тот день кое-что случилось, расскажем как-нибудь потом. Второй дядя, мы еще не обедали, пойдем готовить.

— Ну и молодежь, — Цинь Сюн предположил, что они поссорились, и не стал расспрашивать дальше, чтобы не портить им настроение. Он снова глянул на Цинь Сяоманя: — Слезай с него, взрослый ведь уже, нехорошо это.

Цинь Сяомань пропустил слова мимо ушей, уткнувшись носом еще глубже. Ду Хэн улыбнулся:

— Мы пойдем, второй дядя.

— Идите.

Глядя им вслед, Цинь Сюн крикнул:

— Ду Хэн, не балуй его слишком сильно!

Он вздохнул. Раньше он боялся, что Цинь Сяомань не удержит Ду Хэна, а теперь ему стало жаль утонченного Ду Хэна.

Ли Ваньцзюй, сидевшая на повозке и не вмешивавшаяся в разговор, закатила глаза, глядя на их нежности. Она хотела было съязвить, что негоже так вести себя на главной дороге, но, заметив кислую мину своего сына Цинь Сяочжу, сменила тон:

— Всё-таки хорошо иметь мужа, хоть заботиться будет.

Цинь Сяочжу буркнул:

— Не все мужчины такие заботливые.

— Если внимательно искать, всегда найдется хороший. Хочешь, я попрошу сваху подыскать тебе пару достойных семей?

Цинь Сяочжу не согласился, но и не отказал. Он не спешил замуж. В замужестве он не видел иных плюсов, кроме наличия мужа. Зато минусов хватало: каждый день угождать свекрам, готовить на всю ораву – сплошная работа, разве сравнится это с комфортной жизнью дома?

Однако с тех пор как у Цинь Сяоманя появился муж, их случайные проявления нежности вызывали у него зависть. Он заметил, что даже деспотичный нрав Цинь Сяоманя смягчился. Похоже, от мужа пользы больше, чем кажется со стороны. С детства отец и братья носили его на руках по очереди, но сегодняшний вид Ду Хэна, несущего Цинь Сяоманя, заставил его сердце сжаться от ревности. Он впервые всерьез задумался о свадьбе.

Добравшись до дома, Цинь Сяомань прыгнул со спины Ду Хэна.

— Где мука и мясо, которые ты купил? Давай скорее делать начинку, я проголодался.

Утром он съел миску яичного крема – «прощальная трапеза», но тогда от горечи еда казалась безвкусной. После горной прогулки и слез аппетит разыгрался не на шутку.

Ду Хэн, глядя на то, как Цинь Сяомань, только что бывший «серым кроликом» на его спине, снова полон энергии, улыбнулся:

— Начинку я смешал еще как вернулся. Осталось только раскатать тесто и слепить вонтоны. Всё на кухне. Я пошел тебя встречать, когда увидел, что тебя долго нет. Иди переоденься сначала, я чувствовал, что твоя куртка промокла, еще простудишься.

Цинь Сяомань кивнул, но сначала заглянул на кухню. Ду Хэн не пошел за ним сразу, а заглянул в свою комнату. Он достал из ящика небольшой сверток.

— Что это?

Ду Хэн поднял голову: Цинь Сяомань уже стоял у него за спиной, буквально не отходя ни на шаг. Ду Хэн поманил его рукой.

Цинь Сяомань с любопытством подошел, и тут же на его шее оказался воротник из серого кроличьего меха. Мягкий мех прилегал к коже, и через мгновение стало тепло. Он невольно

коснулся его рукой – вещь была удивительно приятной на ощупь.

— Откуда это?

Ду Хэн поправил мех. Он выбрал шкурку с самым лучшим ворсом. Хотя белый мех тоже красив, он решил, что серый больше идет Сяоманю. Сейчас, когда воротник окутывал шею Цинь Сяоманя, его лицо казалось еще меньше, а цвет меха идеально сочетался с цветом кожи.

— В прошлый раз я видел такой у Цинь Сяочжу. Выглядело красиво и тепло, вот я и решил купить тебе такой же.

Цинь Сяомань поднял глаза. Он хотел сказать: «Так вот на что ты потратил деньги из ящика!», но вовремя вспомнил, что заглядывал туда без спроса, и промолчал.

— Тебе нравится?

Цинь Сяомань честно кивнул:

— Нравится! Очень нравится!

Он давно о таком мечтал. Еще когда увидел, как второй дядя купил воротник для Цинь Сяочжу, он извелся от зависти. Если бы он попросил дядю, тот бы и ему купил, но Цинь Сяомань всегда делал вид, что ему это не интересно, лишь бы его не жалели. Окружающие говорили, что он – парень с «меткой беременности», что родинка у него по ошибке выросла. Он не отрицал этого, лишь бы казаться сильным.

А теперь кто-то купил ему вещь, которая нравится герам. Как он мог не радоваться?

Видя, что Цинь Сяомань счастлив, Ду Хэн воспользовался моментом:

— Сяомань, я запомнил слова второго дяди. То, как мы сейчас живем – нехорошо. Пока не началась весенняя пахота, давай устроим скромную церемонию. Пригласим односельчан на угощение, соблюдем обряды перед свидетелями, согласен?

— Ты... ты хочешь жениться на мне по-настоящему?

— Да.

Глаза Цинь Сяоманя блеснули:

— Ты правда этого хочешь?

— Не просто хочу, это я прошу тебя выйти за меня.

Цинь Сяомань поджал губы. Он давно об этом мечтал, но боялся расстроить Ду Хэна и не заговаривал. Теперь, когда шанс был перед ним, он поспешил ответить:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Завтра... нет, уже сегодня днем я пойду ко второму дяде обсудить это. Обещаю, я не позволю тебе жить со мной без соответствующего статуса.

Цинь Сяомань раньше думал: если Ду Хэн не захочет – и ладно, не будем устраивать пир. С одной стороны, это траты, с другой – Ду Хэн официально станет зятем, вошедшим в семью жены. Для Цинь Сяоманя это было почетно, а над Ду Хэном могли смеяться. Сельчане грубы, за языком не следят, могут наговорить лишнего. Сяомань-то привык, а Ду Хэн – нет. Он

утонченный молодой господин, даже если семья разорилась, родня матери в Хуэйчжоу – крупные торговцы. К тому же Ду Хэн застенчив: моется так, будто хочет дверь заколотить, а от прикосновения к руке краснеет до корней волос. Как он вынесет такие шутки?

Но теперь, когда Ду Хэн сам это предложил, он, безусловно, более чем готов.

Ду Хэн невольно рассмеялся и потрепал Цинь Сяоманя по голове:

— Глупый, если мы не соблюдем обряды, в убытке останешься ты.

Цинь Сяомань прижал к себе воротник, сияя от счастья:

— Пока я живу с тобой, я согласен на любые убытки.

Ду Хэн был человеком серьезным. Раньше у него не было отношений, и он не ожидал, что первые же приведут к браку. Он считал, что сразу найти своего человека – гораздо большая удача, чем бесконечные поиски.

Сяомань был предельно искренним, пылким и чистым. Ду Хэну он очень нравился, и потому он хотел отнестись к нему со всей серьезностью.

— Я не дам тебя в обиду. У нас будет всё, как полагается. Мы пройдем через все положенные обряды.

—

<http://bllate.org/book/14888/1343831>